

Лев АННИНСКИЙ

Сова прокричала?

О романе Вячеслава Щепоткина «Крик совы перед концом сезона»

О страниц кунаевского журнала «Наш современник» этот роман вполне мог звучать «патриотично» в противовес «либеральности». Напечатанный теперь в издательстве «Русский Мир» он вовсе не воспринимается так односторонне. Объёмный 600-страничный том охватывает полностью «лихие» 90-е годы (их теперь иногда перекрещивают в «проклятые»). Написанный от имени тогдашней «хеври» сверстников, он выходит далеко за рамки этой хеври и вмещает весь огромный мир советской жизни, накрывшийся к краху и в небытие рухнувший.

От того момента, когда на Политбюро ЦК КПСС Андрей Громыко «продавил» в генсеки партии Михаила Горбачёва, и началось «размороженное время», — до того горького финала, когда Борис Ельцин, сменивший Горбачёва, увенчал это время расстрелом парламента, а митинги на Октябрьской площади и в Останкине окончательно всё смешали и погребли.

Как истый живописатель Вячеслав Щепоткин знает, что «у всякого решения есть фамилия, имя и отчество», — он историю решений, угробивших Советский Союз, восстанавливает в такой гуще рельефных силуэтов, что я проникаюсь к нему читательской благодарностью: имена-то эти, когда-то звеневшие в ушах страны, теперь, как правило, полузабыты...

Но тут же ловлю себя на мысли: а может, это и правильно, что они полузабыты? Те «действующие лица», которые крутились и кувыркались в пьянящем карнавале перестройки? Пока крик совы, как сказано в романе, не обозначил конец этого политического сезона, как он обозначает все такие периоды.

Не могу сказать, что я был безучастен к тем всеёлым переменам. Иногда мне казалось, что это к лучшему... для России. Как именно и к какому лучшему, было смутно, но лишь бы для России! На вопрос, какая Россия мне нужна, я честно отвечал: любая. И теперь так же думаю.

Социалистическая или капиталистическая? А сдвигать страну надо в зависимости от ситуации. Ленин энпом сдвинул в одну сторону, Сталин диктатурой в другую... А что так и эдак продолжалась именно Россия, у меня сомнений не было. Наверное, в силу умом осознанной русскости: она ведь мне не сама собой досталась — по крови я отпрыск (терминами Льва Гумилёва) двух субэтнических вариаций российского целого: отцовский исток — казаки с Дона, на красных и белых расколоте, материнский исток — евреи, чудом спасшиеся от антисемитов с Украины. Мог бы я жить в другой стране? Как потребитель — пожалуй (если там ещё и жить лучше). Как индивид — тоже (получая своё по закону). Но как личность я существую только в России.

Это я чувствую и в мироощущении автора книги. Особенно остро — на границах русской реальности. Лучшие, сильнейшие страницы романа — не московские.

Вот описание северной охоты. Описание чёткое, сочное и вместе с тем выверенно-структурное. «Расставьесь, где я лыжей кресты сделаю». Там привязочка есть к зреющему расколу на патриотов и либералов. Но на меня больше действует сама плоть действия: охота, природа, образ жизни — вековой опыт бытия на этой вот земле. Независимо от того, какой «председатель» в столице, здесь — национально-русская жизнь. Или, если угодно, «жизнь»...

И ещё сильнейшая глава — о моём родном казачестве. О тех, кто веками шёл в низовья Дона и держал эту землю в русском обводе. Независимо от того, кто помещичал или политиканствовал в центре. Сталин понял роль казаков. Вернул на штаны лампасы. Немцам приручить каза-

ков не удалось. Хотя попытки были.

Так озвучены в «Крике совы» границы Руси. Северная и южная. Многовековые границы, не «сезонные».

Есть, однако, ещё границы — межэтнические. Тоже многовековые, но не такие прочные. Тут-то в наше время многое и перекосилось, и запаталось, и порвалось. Щепоткин обводит глазами: «Прибалты, Молдавия, Грузия». Прибавляет, ничего не упуская: армяне и азербайджанцы в Карабахе... месхетинцы в Узбекистане... Объясняет (себе и нам): это всё устроили перерожденцы партноменклатуры вспомнили времена баев и ханов. Я согласен: этнобесы хорошо поработали на растаскивании Советского Союза. Но не они решали дело — решала общая ситуация. Не местная и не сезонная (по крику совы), а всемирно-историческая подошла к какой-то новой стадии. Словно народы, удушённые век назад эпохой мировых войн, почувствовали на замиренней земле возможность «расправиться» и рванули вон из России, из Африки в Европу южную, из Азии — в Европу северную, попутно пытаясь сбить исламские массы в новые халифаты...

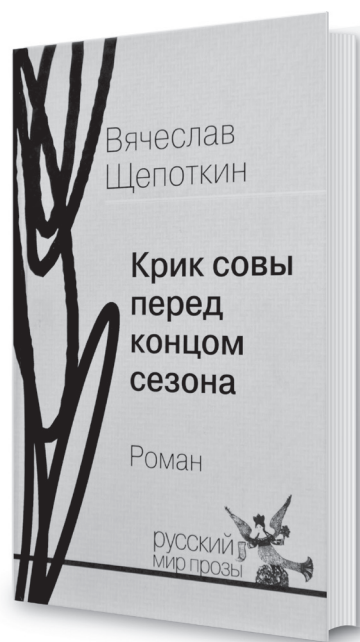
Завершая этот многонациональный аспект, автор «Крика совы» пишет: «Если народы территориально вкраплены друг в друга, трения всегда бывают». Подписываюсь под каждым словом! Но задаю следующий неотвратимый вопрос: а русские, возникшие как великая нация из взаимодействия сцепившихся и сплотившихся вместе народов, они ведь (то есть мы) ещё и вкраплены друг в друга! Как же сохранить единство русские, когда геополитическая ситуация меняется то так, то эдак, и сама Россия в очередной «сезон» по крику совы оказывается во власти непредсказуемых перемен?

Обратившись от границ Союза к столичному центру, автор «Крика совы» обнаруживает и распутывает такое, что способно привести в замешательство. Не вдруг поймёшь, что и откуда влетает в уши и цепляет ум, какая информация забрасывается из-за рубежа в расчёте на «агентов влияния», а какая несётся из отечественных усилителей, перекрывающих друг друга на митингах. В этой какофонии участвуют со своими фантазиями и Маргарет Тэтчер, и Валерия Новодворская. Пронзительной болью звучат предсмертные записки маршала Ахромеева и министра Пуго. Информация засекреченная и информация рассекреченная неразличимы, радио и телевидение то врут, то проговариваются, стенографисты и секретарши то ли прячут новости, то ли щеголяют новостями...

Гвалт воссоздан мастерски. Как в этом гвалте расслышать то, чем живёт народ? И понимает ли он сам, чем живёт? Народ хочет свободы? В том смысле, что «когда он свободен, то может делать, что захочет».

А чего хочет, не знает. Лавина несёт всех подряд. Вчерашние функционеры не знают, за что теперь бороться и как именно. Заводские рабочие, которые должны бы это знать, не получают указаний и не лезут в общую кучу. А куча отнюдь не мала: вчерашние противники попадают в одну общую толпу, вчерашние единомышленники — в другую. Колонны сталкиваются и перемешиваются. Женщины бинтуют раненых, не вникая, то ли в этих раненых попали пули охранников, то ли камни демонстрантов — любая из добровольных санитарок могла бы оказаться и в той, и в этой роли. И исполняла бы честно.

Наконец, в это честное столпотворение мягко влетает танец молодых лебедей. И с ним — полные народолобья деклара-

ции ГКЧП. Это — центральная точка «сезона», который должен кончиться криком совы. Мелодия доходит до высшей ноты, кто же у нас теперь главный начальник?! Всё ещё Горбачёв? Или уже Ельцин? И кто виноват в том, что с нами происходит? Кто затеял ту жуть, которую мы никак не расхлебали? Хрущёв? А может, Сталин?

С данной точки моё расхождение с автором «Крика совы» обретает некоторую определённую. Вячеслав Щепоткин выдаёт на эту тему эпизод, который привлекает мое внимание. Эпизод 30-х годов:

«Июнь 1938 года. Хрущёв всего шесть месяцев работает первым секретарём Компартии Украины. Записка: "Дорогой Иосиф Виссарионович! Украина ежемесячно посылает 17-18 тысяч репрессированных, а Москва утверждает не более 2-3 тысяч. Прошу Вас принять срочные меры. Любящий Вас Н.Хрущёв". Из Москвы телеграмма: "Уймись, дурак! И.Сталин"».

В первый момент этот эпизод хочется повесить на Хрущёва, потому что двадцать лет спустя именно он перевесил вину на Сталина. Так Сталин тут — куда более интересный вариант поведения! Драма деревни фатальна: придётся ведь кормить армию в надвигающейся войне, не выпрашивая (и не выторговывая) хлеб у кулаков. Партийцы средне-высшего звена выслуживаются у генерального начальства, перевыполняя задания. А генсек их, дураков, удерживает, заботясь об устойчивости системы. Известно, что в смертельной ситуации Сталин дойдёт до такой жестокости, что тени опричников побледнеют, но в исходе-то он заботится о равновесной прочности системы. Его изначально так и звали: мастер кадровых балансов.

Но не о Сталине моя речь, а о Горбачёве. Он-то, оказавшись на пике советской пирамиды, именно её старается спасти. Удерживать в равновесии. Ничего не получается — система фатально ползёт к финалу. Если пытается что-то изменить и попытка проваливается — он в романе виноват. Если не пытается ничего изменить — виноват, что не пытается. Хочет обвести кого-то вокруг пальца — дурак. Его обводят вокруг пальца — опять дурак. Спросить бы у автора романа: как совмещается вина за перемены ситуации с виной за отсутствие перемен? Это же всё равно, что пить разом из двух горлышек... но тут нужен уже не Горбачёв.

У меня он вызывает сочувствие. В чудовищных ситуациях держался! Запросто могли пристрелить по ходу фарса «чрезвычайного положения». Сохранял достоинство. Что пережил — жена знает: она жизнью заплатила за то унижение.

Горбачёва судьба вынесла живым. Он отступил — уступил власть. Ушёл, оставив перечень неудач. В делах внутренних — когда пытался справиться с народным пьянством и табачным одурением. В делах международных — когда, поверив западным конкурентам, уступил им ряд позиций. Когда пытался даже лингвистически спасти СССР, заменив в аббревиатуре «социалистические» на «суверенные». Понимал, что время идёт страшное. Но не стervenел от неудач — при неудачах отступал с достоинством.

Я ему сочувствую. Я нахожу справедливым, что судьба выпустила Михаила Горбачёва из смертельных объятий, дала возможность уйти в законную отставку. Унизительные эпитеты в его адрес, пестрящие в «Крике совы», я цитировать не хочу.

Ельцин героям щепоткинского романа ближе? Пожалуй. Ибо ведёт он себя совсем не так, как его осторожный предшественник. Один театральные «выход из партии» чего стоит! Вот уж кто не осторожничает! В заграничном вояже на колесо самолёта в аэропорту мочится. И ресурс держит наготове: недаром же из двух бутылочек разом пил, взяв в зубы горлышки. Ельцинский стиль!

Один эпизод пострашнее всех таких фокусов: расстрел парламента. Но и тут надо учесть: не собрался Ельцин уничтожать депутатов, а попугать — хотел. Чтобы удержать перехваченный у них порядок. И напугал, и удержал.

Теперь вместе с «совой» оборачиваясь на ельцинский «сезон», я осознаю, что при всех своих театральных фокусах он, Ельцин, в сущности, выжидал, стараясь по-настоящему ничего не «стронуть». И в «Беловежскую коуду» влез, надеясь удерживать то, что оставалось в Союзе после распада. И удерживал, а уже при начале нового века (и тысячелетия!) воззвал к смене всемирной геополитической ситуации. И поверив в такую смену, передал руль страны своему преемнику. Завершил отмеренный ему исторический срок.

«Жизнь» продолжилась, по крику совы она перевалила на новый срок, а герои исчерпанного «сезона» задумались, с чем же они остались? Или так: в ком остались?

Товарищ Сталин подсказал? Они и подхватили: «Я дурак, что не разобрался сразу», — признаёт герой романа, а собеседник ему отвечает: «А какой я дурак, ты и представить не можешь».

В финале фраза «Купили нас, дураков» увенчивает тему. Но не снимает проблемы! А решает её, нравственную проблему, у Щепоткина эпилог. Герои романа компенсируя своё уязвленное достоинство, принимаются за изготовление унитазов, украшенных портретами главных героев «сезона»... Нет, уж лучше я процитирую:

«...Унитазы шли нарасхват. В каждом блистало какое-то конкретное лицо. Сначала спросом пользовались изделия с портретом Горбачёва и "Беловежской троицы". Все в цветном изображении, похожие, словно живые. Горбачёв глядел прямо на посетителя туалета. Ельцина, Кравчука и Шушкевича художник изображал барельефно, как когда-то рисовали Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина... Потом интересы сдвинулись. После начала российского разрушения подскочил спрос на Ельцина, Гайдара, Чубайса, Черномырдина. При этом Горбачёв в сортирном рейтинге по-прежнему занимал почётное первое место».

Что тут скажешь? Сова молчит, чуя конец сезона?..

Скажу так: лучше уж стерпеть такую унитазную мерзость, чем отмывать свою или чужую кровь.